УДК 94(510).091«1925/1927»
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00008

Сунь Ичжи

Советский Союз, русское зарубежье и шанхайские власти в пропагандистской борьбе середины 1920-х гг.

«Великая китайская революция 1925–1927 гг. началась с Движения 30 мая»[1], — так знаменитый историк и участник рабочего движения Дэн Чжунся начал свою книгу о всемирно-значимом событии, произошедшем в Шанхае летом 1925 г. Так называемое в революционной историографии «антиимпериалистическое движение» началось с убийства рабочего Гу Чжэнхуна 15 мая на японской фабрике и стрельбы смешанных отрядов полицейских Международного сеттльмента в 15:45 30 мая по китайским студентам-демонстрантам, шедшим на полицейский участок *Louza* с громким лозунгом «Шанхай для нас». «Кровь лилась рекой, и на это было страшно смотреть», — так Дэн Чжунся описывал «поле боя» после стрельбы. В результате столкновения погибли 13 человек, началась всеобщая забастовка рабочих, студентов и коммерсантов. Вплоть до сентября Шанхай находился в кризисном состоянии. Будучи крупнейшим из всех рабочих движений Китая, Движение 30 мая всесторонне освещено в советской и китайской революционной историографии[2], а также в западном шанхаеведении[3]. В 1950-х гг. научная группа, изучающая источники по истории Движения 30 мая (五卅運動史料課題組) Отдела Новейшей истории Института истории Шанхайской академии социальных наук (上海社會科學院歷史研究所現代史研究室), собрала огромное количество первичных материалов[4]. Была осуществлена публикация серии ценных документов[5]. В настоящее время шанхайская научная школа

продолжает системную обработку этих документов, издавая многотомные труды, мемуары, интервью, дневники и прочие материалы участников движения[6].

Движение 30 мая стало важным событием и в истории СССР. Из материалов Политбюро и переписки И. В. Сталина, Г. В. Чичерина и Л. М. Карахана видно, что высшее руководство обращало большое внимание на Шанхай[7]. О советском присутствии в Китае 1925–1927 гг. и его роли в Движении 30 мая писали не только русские эмигранты[8] и современные российские исследователи[9], но также и китайские историки[10].

Что касается роли белоэмигрантов в Движении 30 мая, то она была описана в произведении шанхайского исследователя Ван Чжичэна о русской эмиграции[11], где подчеркнута роль белоэмигрантов, заменивших китайских рабочих во время забастовки на заводах и фабриках.

Тем не менее, несмотря на богатую историографическую традицию, мы не имеем полного представления о пропагандистской борьбе в Шанхае того времени. Материалы по данной теме разбросаны по архивам и газетным хранилищам России и Китая (в основном Москвы и Шанхая). В китайских исследованиях речь идет лишь о пропагандистском курсе Международного сеттльмента, однако эти издания весьма хрестоматийны. Упускается из виду тот факт, что Россия была одной из главных тем в пропагандистской «игре» времен Движения 30 мая, имевшего большое значение и для советской власти, и для белоэмигрантов, проживавших в Шанхае. Обе стороны активно формировали и продвигали свое ви́дение произошедших событий, что порождало немало конфликтов между ними. Одновременно заметим, что для властей Международного сеттльмента и Французской концессии[12] антибольшевистская пропаганда также была одной из важнейших задач, вытекавших из постепенней радикализации Движения.

Используя газетные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Фонда редких книг Сикавэя при Шанхайской библиотеке (上海图书馆徐家汇藏书楼 = Shanghai Library Bibliotheca Zi-Ka-Wei “SLB”), а также делопроизводственные документы из Шанхайского муниципального архива (上海档案馆 = Shanghai Municipal Archives “SMA”), Полицейского фонда Международного сеттльмента (上海公共租界工部局警務處檔案 = Shanghai Municipal Police Files “SMPF”) и опубликованные сборники, автор данной статьи анализирует общую картину одного из аспектов пропагандистской борьбы времен Движения 30 мая, связанного с русским зарубежьем и СССР.

Центральная советская власть и ее печатный орган уделяли самое пристальное внимание событиям в Шанхае. Газета «Правда» в течение июня 1925 г. почти непрерывно размещала репортажи о Шанхае на первой полосе[13]. Эти публикации о революционности Движения 30 мая должны были оказывать нужное действие на читателей газеты. Главными «пропагандистами» на страницах

«Правды» выступали Г. Н. Войтинский, Г. Е. Зиновьев и Л. Д. Троцкий. Более того, Г. Н. Войтинский был направлен в Шанхай для руководства Движением. Г. Е. Зиновьев как председатель ИККИ публиковал статьи по поводу Движения, а также посвятил этому событию выступление на митинге Краснопресненского района Москвы. Л. Д. Троцкий 6 июня также опубликовал в «Правде» одну статью на ту же тему[14].

Однако в самом начале Движения советская пропаганда не имела единой линии. Статья Г. Н. Войтинского от 14 июня и речь Г. Е. Зиновьева от 11 июня имели разную идеологическую направленность. Г. Н. Войтинский признавал общенациональный характер Движения 30 мая, но был против помощи рабочим со стороны китайской буржуазии и верхушки общества: «Движение, словом, становится всенародным. <...> Разумеется, что поддержка движения со стороны китайской буржуазии и ее идеологов, верхушечной части интеллигенции <...> очень ненадежна. <...> Но не эти "представители китайского народа" будут теперь главным фактором <...> и не к их голосу будут прислушиваться китайские массы, начинающие подниматься на зов пролетариата и революционной интеллигенции»[15].

Иначе акценты были расставлены в опубликованной 15 июня 1925 г. речи Г. Е. Зиновьева на митинге Краснопресненского района. Он видел синтез рабочего и общенационального подъема в Движении 30 мая: «Товарищи, на наших глазах происходит слияние двух потоков. Поток рабочего движения на одной стороне и еще более широкий поток национально-освободительного движения — на другой»[16].

Позицию Г. Е. Зиновьева можно рассматривать как более близкую к официальной в пропаганде первой половины июня, именно тогда она была озвучена на митинге. Подтверждает это и тот факт, что в отличие от статьи Войтинского, которой отвели лишь небольшую часть страницы в «Правде», под речь Г. Е. Зиновьева была выделена целая полоса. Советская пропаганда четко осознавала нехватку рабочей силы в Китае и уже с самого начала связала шанхайские события с освободительной борьбой «полуколониального» Китая. Однако в дальнейшем, в связи с якобы наметившимся сближением китайской буржуазии и капиталистов с «империалистами», советская пропаганда взяла на вооружение версию Г. Н. Войтинского[17].

Называя себя другом рабочего Китая, советская власть всё же не могла объективно относиться к своему азиатскому товарищу. Начиная с К. Маркса, почти все западные сторонники исторического материализма рассматривали Китай в качестве «варварской страны» и противопоставляли западной цивилизации: «варварская герметическая изоляция [Китая] от цивилизованного мира была нарушена»[18]. Как и у К. Маркса, в статьях «Правды» прослеживаются державно-шовинистические настроения и расистский оттенок. Хотя тексты «Правды» были идеально проработаны, в иллюстративных материалах обнаруживается высокомерие «белого человека» и стереотипы о китайцах,

распространенные в советской пропаганде. В частности, на первой странице «Правды» в июне 1925 г. было размещено 5 иллюстраций о шанхайских событиях[19]: на всех иллюстрациях китайцы изображены с прическами времен маньчжурской династии, свергнутой еще в 1911 г., на некоторых китайцы облачены в маньчжурские наряды[20].

Советские пропагандистские материалы распространялись на улицах Шанхая как специальные листовки. В их основу легли тексты выступлений ряда советских лидеров той поры. Среди сохранившихся сегодня материалов можно найти упоминание о распространении в Шанхае китайского перевода статьи Л. Д. Троцкого. Известно, что 19 июня, 13 дней спустя после публикации статьи, полиция Международного сеттльмента обнаружила в Сеттльменте и районе Chapei листовки с цитатой Л. Д. Троцкого: «<...> лучшими агентами по распространению “Московского духа” на Востоке являются капиталистические политики и журналисты»[21].

Влияние листовок с цитатами из «Правды», вероятно, было невелико. В ежедневных отчетах полиции Международного сеттльмента часто упоминалось об обнаружении пропагандистских материалов, подготовленных участниками Движения. Однако о листовках с цитатами из «Правды» упоминалось только один раз. Простых рабочих и студентов волновали прежде всего местные проблемы.

У советской власти имелся собственный печатный орган в Шанхае. В 1925 г. таким изданием была газета «Новая шанхайская жизнь» (далее — «НШЖ»). Газета являлась прямым продолжением «Шанхайской хроники» (29 июня 1919 г. выпущен единственный номер)[22] и «Шанхайской жизни» (существовала с 21 сентября 1919 г.)[23], учрежденных неоднозначной фигурой Г. Ф. Семешко, бывшего приходского священника, отлученного от церкви из-за пьянства и ставшего корреспондентом социалистических газет[24]. По доступным материалам мы не можем однозначно определить политическую ориентацию Г. Ф. Семешко. Судя по содержанию его ранних публикаций в Шанхае (до января 1920 г.), очевидна его эсеровско-меньшевистская и антиколчаковская «физиономия», но возможно, что все эти демократические рассуждения являлись маскировкой, а истинной политической позицией Г. Ф. Семешко был большевизм. Тем не менее после продажи им газеты представителю Совнаркома на Дальнем Востоке В. Д. Виленскому-Сибирякову за 5000 долларов «Шанхайская жизнь» окончательно стала большевистской[25]. Сам Г. Ф. Семешко выступал в качестве неофициального представителя советской власти в Шанхае[26]. На страницах «НШЖ», как и в более ранних версиях газеты Г. Ф. Семешко, публиковались декреты и другие материалы советской власти[27]. Однако в связи с тем, что в ГА РФ, SMA и SLB отсутствуют номера «НШЖ» за период Движения 30 мая, пропагандистская линия газеты пока недоступна для более детального изучения.

С противоположной стороны в ходе Движения 30 мая в Шанхае интенсивно работала белая пропаганда. В это время в русскоязычной среде существовало

две газеты, которые можно называть рупорами белой эмиграции: «Шанхайское новое время» (далее — «ШНВ») под редакцией Марии Звездич[28] и «Россия» под редакцией Н. В. Колесникова[29].

«ШНВ» занимало более умеренную позицию и с января 1925 г. позиционировало себя в качестве «национальной патриотической газеты»[30]. Сама Мария Звездич (настоящее имя Елена Константиновна Гедройц) начинала свою литературную деятельность в Петербурге в газете «Новое время» А. С. Суворина[31]. В 1924–1925 гг. она занимала позицию между Советами и Белым движением, сочувствовала уходу генерала Анисимова в Советскую Россию, вызвав бурную реакцию Н. В. Колесникова. Однако номера «ШНВ» за период Движения 30 мая не сохранились, поэтому возможностей для подробного изучения политического курса этого издания пока не существует.

Самым ярым противником советской власти среди всех русскоязычных изданий была монархическая газета «Россия = 羅西俄文滬報». Можно сказать, что она являлась рупором эмигрантской элиты. Ее спонсором, согласно материалам секретной полиции Международного сеттльмента, выступала Э. П. Гроссе, супруга бывшего генконсула В. Ф. Гроссе[32]. Хотя в связи с расколом В. Ф. Гроссе с Комитетом защиты прав и интересов русских в июне 1925 г. «Россия» заняла позицию Комитета, ее спонсором осталась Э. П. Гроссе. Сам Н. В. Колесников был полковником Генерального штаба Белой армии и участвовал в Белом движении на Юге России, затем служил у Колчака. В Чите он стал начальником осведомительного отдела и редактором газеты «Русская армия»[33]. Являясь сторонником великого князя Н. Н. Романова, Н. В. Колесников неизменно подчеркивал, что «Россия» приветствует объединение всех эмигрантских групп именно вокруг Николая Николаевича[34].

С самого начала Движения 30 мая «Россия» пыталась включиться в пропагандистскую деятельность. Сравнительно полная программа антибольшевистской пропаганды была опубликована Н. В. Колесниковым 9 июня. При этом он использовал уже давно апробированные приемы политической борьбы. Главным «устроителем» Движения 30 мая «назначалась» советская власть. При этом иностранцы в Шанхае, располагавшие средствами, будто бы демонстрировали оптимизм при отсутствии воли. Китайцы, разумеется, оказались обмануты советскими агитаторами, но сами не были виноваты в случившемся. Вопрос предотвращения мировой революции, конечно же, могла решить только белая эмиграция[35].

«Россия» вплоть до нормализации обстановки в Шанхае четко придерживалась пропагандистского утверждения о главенствующей роли советской власти в Движении 30 мая[36]. Еще 27 мая Н. В. Колесников писал, что «здесь в Шанхае, обращаем внимание тех, кому ведать надлежит, приготовляется красным консульством также и китайский переворот»[37].

Данное утверждение крайне раздражало советскую сторону. Согласно словам Н. В. Колесникова, «НШЖ» заявляла, «что редактор газеты “Россия” про-

воцирует и лжет, обвиняя ни в чем не повинное совконсульство»[38]. Это также вызвало конфликт редакции «России» с советскими дипломатами. Генеральный консул СССР в Шанхае Э. К. Озарнин 7 июня направил письмо консульскому корпусу по поводу антисоветского содержания материалов в шанхайской прессе[39]. В письме он отметил, что «провокацию против советского консульства возглавляла и подстрекала группа белых русских <...> особое внимание нужно обратить на деятельность русскоязычной газеты “Россия” <...> тексты статей переполнены ругательствами в адрес советского генконсула и других чиновников консульства <...> очевидно, что местная власть разрешила редактору Колесникову продолжить деятельность, и он стал писать свои ругательные статьи еще более разнузданно и свободно»[40].

Кроме письменного обращения к зарубежным дипломатам советский генконсул подал на Н. В. Колесникова в суд. В ответ редактор «России» усилил обвинительную риторику против СССР и перешел к персональной критике консула. В своем публичном ответе консулу он писал: «<...> представьте себе, господа, возмущение “почтенного” советского консула, этакого солидного жул... “джентльмена”»[41]. На обвинение консула в том, что «Россия» была инициатором антисоветской агитации и именно она передала всю информацию *The North-China Daily News* и *The China Press*, Н. В. Колесников отвечал с иронией: «Да, вы об английской прессе? <...> почему это она писала? Вы знаете, в редакции “Россия” есть телефон, так вот этот полковник (Колесников. — *С. И.*) <...> позвонил по телефону и так грубо, совершенно невоспитанный <...> заорал во всю глотку: “Эй вы, редакторы английских, американских и французских газет. Сюда, ко мне, в редакцию! Да мигом, тудыть... растудыть...”. Ну, те, конечно, удивились, но пришли. <...> “Пиши, растудыть!..”. Ну, те и написали <...> и [он] перепечатал всё целиком»[42].

Н. В. Колесников не выказывал беспокойства о возможном судебном процессе и откровенно бравировал перед консулом: «Так вот, мы предлагаем вам, красные прохвосты, лучшие день и ночь, провокаторы “спецы...” предлагаем открыто и честно прибегнуть к суду»[43]. Однако в связи с позицией муниципалитета Международного сеттльмента суд так и не состоялся.

Что касается других тезисов программы 9 июня, то постепенно тон пропаганды менялся. В дальнейшей корректировке программы редакция «России» уже мало касалась исключительной роли белой эмиграции в решении вопроса мировой революции; Н. В. Колесников больше обращал внимание на важность Антанты в разрешении этой проблемы[44]. 12 августа он писал, что «весь земной шар свободно вздохнет, видя в этом шаге Великой Англии начало активной борьбы с СССР, которая положит конец кошмару, длившемуся целых восемь лет»[45].

Тезис о невиновности китайского народа в Движении 30 мая также не был устойчивым. В целом он являлся лишь исключением из общей линии пропаганды «России». Редакция газеты всегда относилась к китайцам и Китаю

с презрением, в текстах множились расистские высказывания, и они носили традиционный для старого режима шовинистический характер. Китайцы для журналистов из России были «объектами» и «фигурами» в борьбе между СССР и Западом. Наиболее точно основную линию пропаганды «России» отражает цитата из статьи от 27 мая: «...ведется крупная игра и работают, не покладая рук, не только красные, но и их цветные ученики»[46].

Кроме того, «Россия» вела пропагандистскую борьбу с другими изданиями. Прежде всего с газетами «ШНВ» и «НШЖ». Способы ведения пропагандистской борьбы Н. В. Колесникова были чрезвычайно жесткими: его издание не упускало ни одной возможности очернить и осыпать ругательствами противника, постоянно переходило на личности и всячески объединяло оппонентов с советской агитацией.

Если борьбу между «Россией» и «НШЖ» можно назвать справедливой в связи с большевистской ориентацией последней, то «ШНВ» стало жертвой агрессивной политики Н. В. Колесникова. Редактор «России» не проявлял никакой деликатности по отношению к Марии Звездич как представительнице прекрасного пола и не упускал случая перейти на личности в попытках разгромить «ШНВ». Основная причина их противостояния заключалась в том, что Мария Звездич сочувствовала генералу Н. С. Анисимову и оправдывала его возвращение в СССР[47]. В 1924–1925 гг., на фоне тяжелейшей ситуации для русских казаков в Шанхае, действия Анисимова объективно не могли считаться вероломными[48].

27 мая, накануне шанхайских событий, на страницах «России» появилась статья некоего Пессимиста о деле генерала Анисимова и большевистском влиянии в Шанхае. Согласно мнению автора, Мария Звездич призывала эмигрантов к переходу на советскую сторону: «Так живописало на днях “Шанхайское Новое Время” и устами почтеннейшей Марии Звездич призывало русскую общественность к единению с... большевиками»[49]. Также автор статьи обвинял ее и в целом редакцию «ШНВ» в поддержке большевиков: «Кому вы служите, пора сказать этому чердачному заведению? Снимите маски и пойте сладкие песни во всё свое горлышко большевикам открыто <...> к антибольшевистскому движению ваша роль, г-жа Гедройц, очень метко определяется народным выражением: “Пришей хвост к кобыле”»[50]. Автор данной статьи не выходил за рамки приличий и практически не прибегал к персональным обвинениям главреда «ШНВ», хотя постоянно использовал иронию и сарказм.

На следующий день вышла статья Н. В. Колесникова, в которой он обрушился на Марию Звездич со всей свирепостью. Широкое использование бранных слов и сарказма лишний раз доказывает агрессивность «России» в пропагандистской борьбе. Колесников назвал ее «прогнившей, аморальной сволочью»[51].

Хотя из-за отсутствия источников мы не можем в деталях узнать о действиях редакции «ШНВ», но из ответной публикации Н. В. Колесникова 28 мая становится ясно, что М. Звездич обвиняла его в попытке учинить раздор внутри

эмигрантской среды. На данное обвинение тот жестко отвечал: «Мария Звездич, Елена Славянская, Марсель Ферри и прочая и прочая. Я слагаю на вас вину в том, что вы вашей гнусной провокацией вынуждаете меня защищаться и сказать страшную правду. На вас, а не на меня, падут те обвинения в раздоре, ибо вы не позволяете мне молчать и я скажу <...>»[52].

30 мая на страницах «России» была опубликована статья, ставшая символичной для белой эмиграции в ходе шанхайских событий: вместо объединения и совместных акций против большевиков «Россия» опубликовала статью некоего Аргуса[53] о Марии Звездич. В отличие от статей 27 и 28 мая, в которых обсуждалась профессиональная деятельность главного редактора «ШНВ», Аргус сразу перешел на личные оскорбления в адрес Звездич и ее семьи. В тексте были использованы бранные слова, не соответствовавшие журналистской этике: «тетка Звездич <...> допилась окончательно до "зеленого змия" или в припадке бешенства, не только потеряла все остатки своего и без того слабого разума, но и все видимости своей невинности. <...> Стирка старого белья вообще крайне скучная вещь, а особенно такого, как заношенная тетка Марья, но иногда жизнь заставляет быть не только прачкой, но акушером <...> Можно простить Вам было и это, только потому, что Вы женщина и в Вас, более чем в ком-либо другом, сосредоточена известная женская логика, глупость, трусость и коварство. <...> В заключение я хочу спросить Вас, тетка, неужели вы окончательно спились. <...> Движимый самыми лучшими чувствами, как член общества покровительства животным, я советую Вам бросить писать. <...> Вам сейчас надо Богу молиться о своих грехах»[54].

Семью Марии Звездич и ее мужа Аргус обвинял в сотрудничестве сначала с Керенским, потом с красными во время Гражданской войны и в неблагородном происхождении: «Вспомните, как Вы, со своим мужем "светлейшем князем"[55] Гедройц, издавали в 1917–1918 гг. в Приморье, какой бульварный "Революционный листок" и, примазываясь к революции, пели дифирамбы Керенскому и встречали каторжан цветами?»[56]

Статьи 27–30 мая о Марии Звездич ясно демонстрируют механизм пропагандистской борьбы «России» с другими демократическими газетами: разгромить редакцию обвинениями и оскорблениями и всячески пытаться связать ее с большевиками. Этот же способ борьбы будет применен редакцией «России» в противостоянии с красным печатным органом во время Движения 30 мая, но уже с более агрессивными нападками. Однако во время кульминации шанхайских событий Н. В. Колесников все-таки решил не вести борьбу на два фронта. Мария Звездич и «ШНВ» исчезли на время со страниц «России», лишь в конце августа полемика с ними была возобновлена.

25 августа в «России» было опубликовано письмо Н. Ц. Грудзинского, ротного командира Хабаровского кадетского корпуса графа Муравьева-Амурского[57], против Марии Звездич и ее мужа. Н. Ц. Грудзинский обошелся без оскорблений и провокаций, однако высказал немало критики. В особенности он

подчеркивал, что Звездич и ее муж не принадлежали княжеской фамилии и их статус фальшивый[58].

Сравнительно мягкое письмо Н. Ц. Грудзинского было лишь началом очередной кампании против Марии Звездич и «ШНВ». Дальше должны были последовать статьи Н. В. Колесникова и его анонимных соратников с тем же пропагандистским содержанием, если бы не перелом, произошедший 2 сентября. Конфликт внутри дальневосточной эмигрантской прессы достиг такого уровня, что даже крупные представители эмиграции в Европе обратили на него внимание. Его высочество герцог Г. Н. Лейхтенбергский[59] направил письмо в редакцию «России». В нем говорилось, что борьба внутри эмигрантской среды крайне опасна для объединения сил и советовал Н. В. Колесникову прекратить пропагандистскую кампанию против «ШНВ»[60]. Герцог был авторитетом для Н. В. Колесникова, поэтому редактору «России» пришлось учитывать его мнение. В ответ на письмо, опубликованное 2 сентября, Н. В. Колесников признал: «Нет никакого сомнения, что борьба среди национальных группировок в момент мобилизации всех сил приносит безусловно громадный вред и служит на руку только красным»[61]. Одновременно он снимал ответственность с себя, убеждая читателей, что именно Мария Звездич начала пропаганду против «России». Однако благодаря письму герцога «братоубийственная» борьба межу «Россией» и «ШНВ» была прекращена; Н. В. Колесников обещал, что «это будет наш последний ответ вам, г-жа Звездич»[62].

Жесточайшая борьба между редакцией «России» и красной «НШЖ» пришлась на кульминацию событий Движения 30 мая. Н. В. Колесников бросил все свои силы на разгром противника. Действительно, «НШЖ» после Движения 30 мая прожила недолго и 24 сентября 1926 г. была упразднена Смешанным судом (Mixed Court)[63] за то, что наносила «вред общественной безопасности»[64].

Главная линия пропаганды «России» против «НШЖ» сразу проявилась в крайне неуважительном названии, данном «НШЖ» редакцией «России». Иронизируя над широким использованием аббревиатур в Советской России, Н. В. Колесников назвал красную газету «Жидкаторгаз»[65] — газетой «жидов» и «каторжников». В названии очевидно прослеживалась антисемитская позиция редакции «России», а также попытка ассоциировать красных с преступниками.

Редакция «России» не упускала ни единого шанса выступить против «НШЖ». Так, например, в одном из номеров «НШЖ» был напечатан репортаж о введении в эксплуатацию «безрельсового трамвая» (т. е. троллейбуса) в некоторых городах Англии. Редакция «России» нашла повод для критики противника и в этом случае, подчеркивая, что троллейбус уже не является новшеством и давно эксплуатируется в Шанхае. Редакция иронизировала над бесполезностью «Жидкаторгаза»: «Диву даешься, и за какой черт товарищ Озарнин платит деньги этим остолопам»[66].

«Россия» вела пропагандистскую борьбу на протяжении всех событий Движения 30 мая: в деле советских шпионов в Шанхае[67]; в деле прилета со-

ветских авиаторов[68]; в деле Комитета защиты прав и интересов русских[69] и т. д. Тон Н. В. Колесникова стал оскорбительнее, нежели в более ранних статьях против М. Звездич: «Залились советские красные псы в своих конурах. Взбудоражились газетные девки в своем притоне. <...> Новая советская "голубица". <...> А из публичного дома с вывеской "Жидкаторгаз" рвутся газетные девки, грозя кулаками, свистя и шепелявя. <...> Стоит английский констебль, опершись на полосатую палку и диву дается, как вся нечисть кругом заливается, раскомаривает. <...> Пора молодчинищу констеблю развернуться, да белочерною палкою по красным харям, по рожам, по мордам, хрюкающим, икающим, свистящим и рыкающим»[70]; «Дорогие мои скоты и двуногие <...> Вы, прохвосты, каторжники и красная сволочь <...> жидкаторжная мразь <...> мажу вас по пакостным образинам, красные гады <...> вы бессильно гложете свои вонючие хвосты от ярости и злости»[71]; «непочтенные каторжане и арестанты совредакции <...> лидеры изобретенного жидовского СССР»[72].

Хотя мы не имеем возможности ознакомиться с содержанием материалов, опубликованных в «НШЖ», со страниц «России» узнаём, что противоборствующая сторона также предпринимала попытки контратак. По доступным нам материалам можно восстановить две главные линии пропаганды «НШЖ» против «России» — обвинение Н. В. Колесникова и его соратников в черносотенстве и агитацию рядовых эмигрантов против «России» и эмигрантской элиты.

В № 169 «НШЖ» была опубликована статья «Вспыльчивый Россиянин» о приходе белогвардейца в редакцию красной газеты. Он требовал не называть «Россию» черносотенным органом в «НШЖ» и заявлял, что «если посмеют называть так, то он-де покажет, что-то такое, что никакие микскорты не спасут»[73]. Хотя Н. В. Колесников в ответе 24 июля всячески отрицал подлинность данного события, зная агрессивную политику редакции «России» и ее соратников, можно предположить, что публикация «НШЖ» не была спланированной провокацией.

Видимо, и до этого момента «НШЖ» постоянно обвиняла «Россию» в черносотенстве. Сам Н. В. Колесников писал: «...вот уже скоро два месяца, как эти же каторжане из большевика меня переделали теперь в черносотенца»[74]. Сам главный редактор хорошо знал направленность действий редакции красной газеты: «...цель показать, что газета черносотенная и, чтобы иностранцы, эмиграция смотрели на нее как на Дубровинский листок»[75]. Однако «НШЖ» в конце концов не достигла желаемого результата. Муниципалитет и полиция Международного сеттльмента были на стороне «России». У издания также была поддержка в верхах русской колонии, и обвинение ее в черносотенстве не получило дальнейшего развития.

Через месяц в связи с внутренним конфликтом в Комитете защиты прав и интересов русских по рабочему вопросу[76] советское консульство устами «НШЖ» предложило «переизбрать комитет для эмигрантов»[77]. Видя недовольство части русских рабочих русской элитой, советское консульство и «НШЖ» хотели

использовать привычный для них метод, чтобы перетянуть рабочих на свою сторону. Согласно сведениям Н. В. Колесникова, «НШЖ» вела интенсивную пропаганду по этому поводу.

Из доступных нам материалов нельзя сделать определенного вывода о масштабах и последствиях данной кампании «НШЖ». По мнению Н. В. Колесникова, эта провокация никак не повлияла на объединенное русское общество в Шанхае[78]. Однако в действительности конфликты внутри эмигрантской среды существовали и после Движения 30 мая. Эмигранты переходили на советскую сторону в течение всего периода пребывания русских эмигрантов в Шанхае вплоть до послевоенного времени[79].

Кроме пропагандистской борьбы между красными и белыми, власти Международного сеттльмента и Французской концессии также вели пропаганду против СССР. Политику Международного сеттльмента в этом вопросе можно назвать организованной. Преимущество Муниципалитета Сеттльмента заключалось в том, что все англоязычные газеты Шанхая во время Движения 30 мая добровольно публиковали предоставленные Муниципалитетом материалы. Даже китаеязычные газеты «Шэньбао (申報)» и «Синьвэньбао (新聞報)» в течение короткого промежутка времени печатали пропагандистские материалы Муниципалитета. Однако в связи с протестом восставших рабочих и студентов редакциям прошлось отступить[80]. Пропагандистские методы Международного сеттльмента хоть и «не могли достичь уровня Москвы»[81], но все-таки превышали возможности местных красных и белых газет. Кроме публикации материалов, Муниципалитет мог позволить себе использовать следующие методы пропаганды: 1) почтовую доставку листовок; 2) расклейку листовок на столбах электролинии и на стенах; 3) расклейку листовок на трамваях и машинах; 4) расклейку плакатов на улице; 5) доставку листовок на дом; 6) распространение листовок вместе с газетами; 7) раздачу листовок на улице; 8) демонстрации слайд-шоу в кинотеатрах[82].

15 июня Муниципалитет Международного сеттльмента впервые задумался о проведении системной контрпропаганды против Движения 30 мая. Ч. Дж. Хамфрис (C. G. Humphrys), директор Азиатской нефтяной компании (Asiatic Petroleum Company = 亞細亞火油公司), предложил начать раздавать пропагандистские листовки в Шанхае и в других городах Китая[83]. С 15 по 30 июня члены Муниципалитета обсуждали методы ведения пропаганды[84].

30 июня член Муниципалитета Чэмпкин (Champkin) получил секретное письмо без подписи из Гонконга, в котором были детально описаны методы пропаганды гонконгского правительства против забастовки[85]. Следуя инструкциям, содержавшимся в письме, Муниципалитет разработал свой собственный план действий. Было решено напечатать серию пропагандистских листовок с названием «Читайте правду (誠言 = Read the Truth)» на китайском языке и распространять их с помощью вышеупомянутых методов. Первый вариант «Читайте правду» был напечатан 4 июля. До 7 сентября Муниципалитет раз-

работал 27 вариантов листовок. Среди них было четыре варианта с антисоветским содержанием: № 3 (7 июля, 40 тыс. экз.) — «Советы — враг Китая (赤化之有害於中華 = The Soviet — China's Enemy)»[86]; № 10 (20 июля, 50 тыс. экз.) — «Обстановка при большевизме (在布爾什維克之下的情況)»[87]; № 23 (25 августа, 40 тыс. экз.) — «Дело Доссера (陶適案件 = The Dosser Case)»[88]; № 26 (3 сентября, 40 тыс. экз.) — «Святость рабочих и катастрофа коммунизма (勞工神聖與共產主義之災難 = The Sacredness of Labour and the Calamity of Communism)»[89]. В Шанхайском муниципальном архиве хранятся оригиналы листовки № 3 на китайском языке, переводы листовок № 23 и 26 на английском, текст листовки № 10 не сохранился.

Эти пропагандистские листовки Муниципалитета Международного сеттльмента имели одну цель: показать китайским рабочим и студентам, что они оказались обмануты красной заразой, а большевизм — это злобный враг Китая. В листовке № 3 были перечислены четыре причины, почему СССР являлся врагом Китая: 1) поддержал независимость Монголии; 2) запрещал китайцам строить железнодорожную линию из Яонани (洮南) до Цицикара; 3) КВЖД являлась совместным проектом Китая и России, но контролировавший дорогу Карахан не позволял китайцам проникнуть туда; 4) Карахан специально задерживал визит уполномоченного посла Китая Ван Чжэнтина (王正廷) в СССР[90].

В листовке № 3 также говорилось о том, что поддержка Караханом китайской революции была направлена на разжигание хаоса с целью сохранения напряженности и введения коммунистического режима[91]. В листовке № 26 Муниципалитет хотел доказать шанхайским рабочим вредоносность коммунистической заразы. Подчеркивалось, что «Европа и Америка уже страдали от этого (коммунизма. — *С. И.*), когда повеяло словом "коммунизм", все страны были в испуге»[92].

Далее был приведен пример влияния коммунизма на жизнь русских эмигрантов: «В Шанхае живут выше ста тысяч русских беженцев. Мы видим их каждый день. Они — подлые люди, маньяки и попрошайки. Они сделают всё, лишь бы получить еду. Давайте подумаем, если коммунизм полезен для человечества, то почему они не возвращаются на свою родину?»[93]

В сознании многих иностранных резидентов существовало так называемое «шанхайское мышление» (Shanghai Mind), согласно которому общество Шанхая делилось на «нас-иностранцев» и на «них-китайцев»[94]. Однако пропагандистский курс Муниципалитета создал новую систему «свой–чужой», где «свои» — иностранцы и китайцы, «чужие» — русские и большевики.

На первый взгляд, данная пропагандистская схема легко могла ввести рабочих в заблуждение и способствовать затуханию Движения 30 мая. Муниципалитет встал на сторону китайских рабочих и студентов. Однако в действительности пропаганда получилась не такой эффективной, как ожидалось. Отчасти она даже спровоцировала более резкую ответную реакцию восставших. В сохранившихся оригиналах листовок мы можем обнаружить агрессивный

настрой восставших против пропагандистской программы Муниципалитета. Так, например, в одной из листовок восставшие написали крупными шрифтом «Всё это чушь собачья, я презираю твоих предков (放你媽的狗屁 我肏你的祖宗 = Break your mamma's dog wind from behind. We sleep your ancestors)»[95]. В другой сохранившейся листовке было перечеркнуто название «Читайте правду» и вместо него было дописано «ты — обезьяна, несущая всякую чушь (你這猴子妄言)»[96]. В листовке № 23 о деле Доссера сам Муниципалитет признавал, что «в предыдущих выпусках "Читайте правду" мы уже говорили, почему Советы являются врагом Китая. Однако девять из десяти наших китайских читателей не верят, что это так, и думают, что это неправда»[97].

В отличие от Международного сеттльмента, власти Французской концессии начали контратаку гораздо раньше. Когда программа «Читайте правду» еще находилась в процессе разработки, во Французской концессии уже в первых числах июня началась раздача антибольшевистских листовок на китайском языке[98]. Однако поскольку впоследствии курс Движения был направлен против англичан и японцев[99] и промышленный район Шанхая не относился к Концессии, забастовщики постепенно теряли интерес к французам. Рыночная забастовка во Французской концессии продолжалась лишь два дня — с 5 по 6 июня. После этого при содействии крупнейших представителей шанхайской буржуазии во главе с Юй Цяцином (虞洽卿) было достигнуто соглашение между студентами, рабочими и коммерсантами о прекращении забастовки[100]. Соответственно французы после кампании начала июня больше не прибегали к пропагандистской риторике, направленной против бастующих, и заговорили о «китайско-французской дружбе (中法親善)»[101].

Французская пропаганда также стремилась создать новую систему «свой–чужой». Однако в отличие от пропаганды Международного сеттльмента, материалы которой были почерпнуты из глобальной международной политики, общей ситуации в Китае и дел о советских шпионах, содержание французской кампании было более конкретным и понятным народу. В результате был создан только один образец листовки. Ее основная идея заключалась в том, что коммунисты наносили народу прямой вред и физически уничтожали рабочих Китая. При этом они по сравнению с капиталистами являлись настоящими кровопийцами. В пропагандистской листовке говорилось, что чем больше рабочих погибнет в забастовке, тем больше денег Советская Россия даст китайским коммунистам, но эти деньги коммунисты-кровопийцы полностью присвоят себе. В доказательство этого был приведен следующий «факт»: «В прошлом году один студент по имени Wong Zung погиб во время митинга 10 октября. Коммунисты доложили об этом в Советскую Россию и получили 50 000 долларов, однако из этой суммы только 100 долларов были переданы родственникам погибшего, всё остальное попало в карманы коммунистов»[102].

В листовке также был «раскрыт» механизм внутренней системы вознаграждения, будто бы существовавшей у коммунистов: они всячески пытаются аги-

тировать студентов и рабочих отправиться в зону боевых действий на верную гибель. За одного погибшего они получают 50 тыс. долларов из Советской России и за десять — уже 500 тыс. долларов — «больше смертей, больше денег»[103].

Автор текста постепенно увеличивал градус накала. В конце листовки речь шла уже не о конкретных коммунистах-кровопийцах, а о советской системе в целом и сеттльментской пропаганде. Главная идея заключалась в том, что именно Советская Россия, а не Запад проводит империалистическую политику. Был придуман термин «красно-русские империалисты», авторы текста утверждали, что именно марионеточные коммунисты-китайцы продали нацию «красным империалистам»[104]. Однако довольно быстрый уход французов из гущи событий не позволяет нам проследить дальнейшее влияние данной кампании на Движение 30 мая.

Подводя итоги, заметим, что Движение 30 мая активизировало пропагандистские машины белых эмигрантов, советской власти и муниципалитетов Сеттльмента и Концессии. Однако все они не достигли ожидаемых результатов. Радикальная белая пропаганда во главе с Н. В. Колесниковым вела борьбу не только с красным печатным органом, но и с другими белыми газетами, что способствовало дальнейшим конфликтам и расколу внутри эмигрантской среды.

Московский официоз «Правда» в связи с его географической отдаленностью и державно-шовинистическим настроем не оказал существенного влияния на ход событий в Шанхае, хотя некоторые цитаты из статей советских лидеров были использованы при составлении пропагандистских листовок для раздачи на улицах. Газета «НШЖ» как местный красный орган печати достигла некоторых результатов в разжигании конфликтов внутри белоэмигрантского общества. Однако вряд ли можно считать, что это было исключительно результатом ее пропагандисткой политики. Свою лепту в раскол эмигрантских рядов внесла газета «Россия» и агрессивная политика ее главного редактора Н. В. Колесникова.

Относительно удачная версия пропаганды Французской концессии оказалась мало актуальной после умиротворения взаимоотношений между китайцами и французами. С другой стороны, Муниципалитет Международного сеттльмента, создав новую систему «свой–чужой», рассчитывал на объединение сил китайцев и иностранцев против большевиков. Однако низы китайского общества считали пропаганду Муниципалитета обманом и не воспринимали ее всерьез.

---

1 鄧中夏 (*Дэн Чжунся*). 中國職工運動簡史 (Краткая история рабочего движения Китая). Шанхай, 1949. С. 205.

2 См., напр.: *Дэн Чжунся*. 1949. С. 205–252; *Пын Мин*. История китайско-советской дружбы / Пер. с кит. А. Ф. Котовой. М., 1959. С. 147–153; *Тихвинский С. Л.* История Китая. 1919–1949: борьба за объединение и независимость Китая. М., 2006. С. 145; Новейшая история Китая 1917–1927 / Под ред. М. И. Сладовского. М., 1983. С. 210–268; *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968. Подробно об историографии

Движения 30 мая см.: 史研双峰：《上海史》《上海工人运动史》是怎样写成的？(Два гиганта в историческом исследовании: как были написаны «История Шанхая» и «История рабочих движений в Шанхае»?) / Под ред. 马军 (Ма Цзюнь). Шанхай, 2019.

[3] *Perry E. J.* Shanghai on Strike: The Politics of Chinese Labor. Stanford, 1993; *Smith S.A.* Like cattle and horses: nationalism and labor in Shanghai, 1895–1927. Durham N.C., 2002; *Smith S.A.* A road is made: Communism in Shanghai, 1920–1927. Honolulu, 2000; *Clifford N.R.* Spoilt children of empire: Westerners in Shanghai and the Chinese revolution of the 1920s. Hannover, 1991; *Wasserstorm J. N.* Student protests in twentieth century China: the view from Shanghai. Stanford, 1991; *Gannes H.* When China Unites. New York, 1937. P. 93–116; подробнее о западной историографии рабочих движений в Шанхае см. 海外上海学 (Шанхаеведение за рубежом) / Под ред. 熊月之 (Сюн Юэчжи), 周武 (Чжоу У). Шанхай, 2004; 朱焘 (Чжу Дао). 近十年英文学界的上海史研究概述 (Очерк англоязычной историографии по истории Шанхая в последние 10 лет) // 上海史研究通訊 (Сообщения о исследованиях по истории Шанхая). 2019. № 12. С. 26–34. — О западной историографии Великой революции в Китае см.: *Саран А. Ю.* Китайская революция 1925–1927 гг. в освещении англо-американской историографии // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 1. С. 130–137.

[4] 马军 (*Ма Цзюнь*). 为什么要将20年代定为现代史研究室今后5至10年的战略方向？(Почему Отдел Новейшей истории определил изучение истории 1920-х гг. как свою стратегическую линию на дальнейшие 5–10 лет?) // 年12月10日上海社科院历史所务虚会上的发言 (Речь на выездном семинаре Института истории Шанхайской академии социальных наук 10 декабря 2019 г). URL: https://mp.weixin.qq.com/s/UGD2sc0UUqWyBPwAcN5ghQ (дата обращения: 11.12.2019).

[5] 五卅运动史料 (Источник по Движению 30 мая) /上海社会科学院历史研究所 (Институт истории Шанхайской академии социальных наук). Т. 1. Шанхай, 1981; Т. 2. Шанхай, 1986; Т. 3. Шанхай, 2005; 五卅运动 (Движение 30 мая): сбор. док. / 上海档案馆 (Шанхайский муниципальный архив). Т. 1–3. Шанхай, 1991.

[6] 上海工人运动历史资料 (Исторический источник по рабочим движениям в Шанхае) /上海社会科学院 (Шанхайской академии социальных наук): В 5 т. Шанхай, 2016; 上海工人运动大事记两种 (Две записи о Великих событиях в шанхайском рабочем движении) / Шанхайская академия социальных наук: В 2 т. Шанхай, 2019; 新书 (Новые книги) // Сообщения о исследованиях по истории Шанхая. 2019. № 12. С. 35–43.

[7] См.: Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 г. — 1926 г. М., 2008. С. 539–585 (телеграммы и письма № 154–174); ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. М., 1994. С. 491–643 (раздел 5: политический переворот Фэн Юйсяна и новые акценты в китайской политике РКП(б) и Коминтерна); 联共（布）共产国际与中国国民革命运动 1920–1925 (ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае). Т. 1. Пекин, 1997. С. 543–679.

[8] Shanghai and China's Politics, 1925 // Kotenev A. M. Shanghai: Its Municipality and the Chinese. Shanghai, 1927. P. 116–151.

[9] Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина... С. 8–65; *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. 2-е изд. М., 2011. С. 162–206.

[10] 中华民国史 (История Китайской республики) / Под ред. 李新 (Ли Синь). Т. 5. Пекин, 2012. С. 192–270; 姚金果 (*Яо Цзинго*), 苏杭 (*Су Хан*), 杨云若 (*Ян Юньжо*). 共产国际，联共（布）与中国大革命 (Коминтерн, ВКП(б) и Великая китайская революция). Фучжоу, 2002.

[11] 汪之成 (*Ван Чжичэн*). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай, 1993; *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; русскоязычную рецензию на данную монографию см.: *Гудошников Л., Трощинский П.* Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви русской эмиграции // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 146–155.

[12] В Шанхае в это время существовали три правительства — Муниципалитеты Международного сеттльмента и Французской концессии, а также китайское правительство. Каждое правительство имело свои законы, силовые организации и суды.

[13] Правда. 1925. 2–30 июня.
[14] Там же. 6 июня.
[15] Там же. 14 июня; 维经斯基在中国的有关资料 (Материалы о Войтинском в Китае). Пекин, 1982. С. 123–127.
[16] Правда. 1925. 15 июня.
[17] Там же. 24 июня.
[18] *Маркс К.* Революция в Китае и в Европе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1957. С. 99.
[19] Правда. 1925. 7, 14, 19, 20, 24 июня.
[20] Там же. 14, 20, 24 июня.
[21] 上海公共租界工部局《警务日报》6月19日 (Ежедневный отчет муниципальной полиции шанхайского Международного сеттльмента, 19 июня) // Движение 30 мая. Т. 2. С. 219.
[22] Shanghai Municipal Police Files (SMPF). I. O. 2837. P. 1.
[23] SMPF. I. O. 3012. P. 1.
[24] 李丹阳 (*Ли Даньян*), 刘建一 (*Люй Цзяньи*). 《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动 («Шанхайская жизнь» и раннее большевистское движение в Китае) // 近代史研究 (Исследование новой истории). 2003. № 2. С. 1–43.
[25] Там же. С. 7.
[26] 收上海生活報主筆俄人致許特派員函民國九年十月十八日 (18 октября 1920 г. письмо полномочному МИД Сюй от русского редактора «Шанхайской жизни») // 中俄關係史料一般交涉中華民國九年 (Источники по истории китайско-русских отношений, 1920 г). Тайбэй, 1968. С. 280.
[27] Россия. 1925. 30 августа.
[28] *Жиганов В. Д.* Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 107.
[29] Там же. С. 111.
[30] Шанхайское новое время. 1925. 21 января.
[31] *Шаронова В. Г.* Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 129–130.
[32] List of Newspapers and Periodicals Published in Shanghai // SMPF. I. O. 9121.
[33] *Шаронова В. Г.* Некрополь русского Шанхая. С. 231.
[34] *Хисамутдинов А. А.* Русская словесность в Шанхае. Владивосток, 2014. С. 69.
[35] Россия. 1925. 9 июня.
[36] См.: Там же. 9 июня; 18 августа.
[37] Там же. 27 мая.
[38] Там же. 18 августа.
[39] 苏联驻沪总领事为驳斥《字林西报》等刊登反苏谣言事致上海领事团函 (Письмо генерального консула СССР консульскому корпусу о протесте на антисоветскую ложь в "The North-China Daily News" и др.) // Движение 30 мая. Т. 1. С. 417.
[40] Там же.
[41] Россия. 1925. 9 июня.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Там же. 25 июня.
[45] Там же. 12 августа.
[46] Там же. 27 мая.
[47] Там же.
[48] Подробно о событиях перехода генерала Анисимова на советскую сторону см. *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. 1993. С. 46–49.
[49] Россия. 1925. 27 мая.
[50] Там же.
[51] Там же. 28 мая.
[52] Там же.
[53] «Аргус» — возможно, псевдоним Андрея Андреевича Ногайцева, редактора еженедельного шанхайского обозрения «Аргус». Согласно сведениям из альбома В. Д. Жиганова,

А. А. Ногайцев «одновременно состоит сотрудником русских и иностранных газет, как местных, так и иногородних». См.: *Жиганов В. Д.* Русские в Шанхае. С. 250.

[54] Россия. 1925. 30 мая.

[55] Здесь Аргус хотел подчеркнуть, что муж Марии не был князем, а лишь присвоил данный титул во время Гражданской войны.

[56] Там же.

[57] *Гаттенбергер П.* С Амура на Дунай. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса. Выдержки из записок ротного командира корпуса полковника Николая Цесаревича Грудзинского // Военная быль. 1974. № 126. С. 13–18; Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус, 1888–1978 / Под ред. П. Гаттенбергера. Сан-Франциско, 1978. С. 49.

[58] Россия. 1925. 25 августа.

[59] Там же. 2 сентября. Сам герцог в это время находился в Берлине. В эмиграции он публиковал свои воспоминания в известном «Архиве русской революции», см.: Архив русской революции / Под ред. И. В. Гессена. Т. 8. Берлин, 1923. С. 166–182.

[60] Россия. 1925. 2 сентября.

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] Смешанный суд — Особый суд с участием двух судей (иностранец и китаец) в Международном сеттльменте и Французской концессии. Подробно см.: *Kotenev A. M.* Shanghai: Its Mixed Court and Council. Shanghai, 1925.

[64] *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. 1993. С. 567.

[65] Россия. 1925. 9 июня; 25 июня; 22 июля; 24 июля; 12 августа; 14 августа; 18 августа; 29 августа; 30 августа.

[66] Там же. 25 июня.

[67] Там же. 22 июля.

[68] Там же. 14 августа.

[69] Там же. 29 августа. Комитет защиты прав и интересов русских — Общественное объединение российских эмигрантов в Шанхае в это время. См.: *Шаронова В. Г.* История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб., 2015. С. 91–107; *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. 1993. С. 181.

[70] Россия. 1925. 22 июля.

[71] Там же. 24 июля.

[72] Там же. 14 августа.

[73] Там же. 24 июля.

[74] Там же.

[75] Там же.

[76] Речь идет о замене бастующих китайцев русскими рабочими.

[77] Там же. 29 августа.

[78] Там же.

[79] *Сунь Ичжи.* Советская разведка и российская эмиграция в Шанхае // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 156–172.

[80] 上海公共租界工部局《警务日报》7月15日 (Ежедневный отчет муниципальной полиции шанхайского Международного сеттльмента, 15 июля) // Движение 30 мая. Т. 2. С. 311; Ежедневный отчет муниципальной полиции... 22 июля // Там же. С. 333.

[81] Материалы по Движению 30 мая. Т. 3. С. 782; The North-China Daily News. 1925. Aug. 7.

[82] 工部局宣传处散发宣传品工作报告 (Отчет о раздаче пропагандистских материалов Муниципалитетом) // Движение 30 мая. Т. 1. С. 501–502.

[83] The Minutes of Shanghai Municipal Council. Vol. XXIII. Shanghai, 2002. P. 97; Движение 30 мая. Т. 1. С. 477.

[84] Движение 30 мая. Т. 1. С. 477–480.

[85] Shanghai Municipal Archives (SMA). U1-5-13. P. 10–12.

[86] SMA. U1-5-12. P. 140; Движение 30 мая. Т. 1. С. 511.

[87] Движение 30 мая. Т. 1. С. 511.
[88] SMA. U1-5-13. P. 109; Движение 30 мая. Т. 1. С. 512; Доссер — советский шпион, который был арестован в Шанхае во время Движения 30 мая. Подробно см.: *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. С. 162–206.
[89] SMA. U1-5-13. P. 115; Движение 30 мая. Т. 1. С. 512.
[90] SMA. U1-5-12. P. 140.
[91] Ibid.
[92] SMA. U1-5-13. P. 115.
[93] Ibid.
[94] 周育民 (Чжоу Юйминь). Предисловие от переводчика // Hauser E. O. 出卖上海滩 = Shanghai: City for Sale / Пер. с англ. Шанхай, 2019. С. 1–24.
[95] SMA. U1-5-12. P. 82–83.
[96] Ibid. P. 86.
[97] SMA. U1-5-13. P. 109.
[98] The China Press. 1925. Jun. 9.
[99] Хотя СССР и китайские коммунисты всячески хотели доказать, что лидерами Движения были именно рабочие и коммунисты, крупные коммерсанты всё же оказали самое большое влияние на формирование курса забастовки в целом. В программе коммерсантов во главе с Юй Цяцинем французы не входили в категорию неугодных иностранцев. Все действия были направлена именно против англичан. См. *Дэн Чжунся*. Краткая история рабочего движения Китая. С. 223.
[100] Источники по Движению 30 мая. Т. 2. С. 204–205.
[101] *Дэн Чжунся*. Краткая история рабочего движения Китая. С. 219.
[102] The China Press. 1925. Jun. 9.
[103] Ibid.
[104] Ibid.

References

Arhiv russkoj revolyucii [Archives of the Russian Revolution] / Ed. I.V. Gessen. Vol. 8. Berlin: Slovo, 1923.

CLIFFORD N.R. Spoilt children of empire: Westerners in Shanghai and the Chinese revolution of the 1920s. Hanover: Middlebury College Press, 1991.

DENG ZHONGXIA. Zhong guo zhi gong yun dong jian shi [A Short History of the Workers' Movement in China]. Shanghai: Xin hua shu dian, 1949.

GANNES H. When China Unites. New York: Alfred A. Knoff, 1937.

GATTENBERGER P. S Amura na Dunaj. Tragediya Habarovskogo grafa Murav'eva-Amurskogo kadetskogo korpusa. Vyderzhki iz zapisok rotnogo komandira korpusa polkovnika Nikolaya Cesarevicha Grudzinskogo [From the Amur to the Danube. The Tragedy of the Khabarovsk Cadet Corps of Duke Muravyev-Amursky. Excerpts from the Reports of Colonel Nikolai Tsesarevich Grudzinsky, Company Commander] // Voennaja byl'. 1974. N 126. P. 13–18.

GUDOSHNIKOV L., TROSHCHINSKIJ P. Kitajskij issledovatel' Van CHzhichen ob istorii shanhajskoj vetvi russkoj emigracii [Chinese Researcher Wang Zhicheng on the History of the Russian Emegré in Shanghai] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2000. N 4. P. 146–155.

Habarovskij grafa Murav'eva-Amurskogo kadetskij korpus, 1888–1978 [Khabarovsk Cadet Corps of Duke Muravyev-Amursky 1888–1978] / Ed. P. Hattenberger. San Francisco: Globus, 1978.

Hai wai Shanghai xue [The Foreign Shanghai Studies] / Ed. Xiong Yuezhi, Zhou Wu. Shanghai: Shanghai Classic Publishing House, 2004.

HISAMUTDINOV A. A. Russkaya slovesnost' v Shanhae [Russian Literature in Shanghai]. Vladivostok: Far East University Publishing, 2014.

KOTENEV A. M. Shanghai: Its Mixed Court and Council. Shanghai: North-China daily news & herald, 1925.

KOTENEV A. M. Shanghai: Its Municipality and the Chinese. Shanghai: North-China daily news & herald, 1927.

Novejshaya istoriya Kitaya 1917–1927 [The Modern History of China 1917–1927] / Ed. M. I. Sladovskogo. Moscow: Nauka, 1983.

LI DANYANG, LIU JIANYI. "Shanghai e wen sheng huo bao" yv bu er shi wei ke zao qi zai hua huo dong ["Shanghai Russian Life" and the early Bolshevik Movement in China] // Modern History Research. 2003. N2. P. 1–43.

Lian gong bu gong chan guo ji yu zhong guo guo ming ge mingy un dong 1920–1925 [VKP(b), Komintern and the National Revolution Movement in China]. Vol. 1. Beijing: Beijing tu shu guan chu ban she, 1997.

MA JUN. Why Set the 1920s as the Strategic Direction of the Modern History Research Office for the next 5 to 10 years? // Speech at the Retreat of the Institute of History in Shanghai Academy of Social Sciences on December 10, 2019. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/UGD2sc0UUqWyBPwAcN5ghQ (дата обращения: 11.12.2019).

PENG MING. Istoriya kitajsko-sovetskoj druzhby [The History of the Sino-Soviet Relations] / Transl. from Chinese by A. F. Kotovoj. Moscow: Sotzecgis, 1959.

Perepiska I. V. Stalina i G. V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L. M. Karahanom: dokumenty, avgust 1923 g. – 1926 g. [Correspondence of I. V. Stalin and G. V. Chicherin with the Plenipotentiary Chairman of the USSR in China L. M. Karakhan: Documents, August 1923–1926]. Moscow: Natalis, 2008.

PERRY E. J. Shanghai on Strike: The Politics of Chinese Labor. Stanford: Stanford University Press, 1993.

SARAN A. YU. Kitajskaya revolyuciya 1925–1927 gg. v osveshchenii anglo-amerikanskoj istoriografii [Chinese Revolution 1925–1927 in the English and American Historiography] // Problemy Dal'nego Vostoka. 1988. N1. P. 130–137.

Shanghai gong ren yun dong da shi ji liang zhong [Two Major Events in Shanghai Workers' Movement] / Shanghai Academy of Social Sciences: In 2 vols. Shanghai: Shanghai shu dian, 2019.

Shanghai gong ren yun dong li shi zi liao [The Historical Sources of Shanghai Workers' Movement] / Shanghai Academy of Social Sciences: In 5 vols. Shanghai: Shanghai shu dian, 2016.

SHARONOVA V. G. Istoriya russkoj emigracii v Vostochnom Kitae v pervoj polovine XX veka [The History of Russian Emigré in Eastern China in the First Half of 20th Century]. Moscow; St. Petersburg: University kniga, 2015.

SHARONOVA V. G. Nekropol' russkogo Shanghaja [Russian Necropolis in Shanghai]. Moscow: Staraya Basmannaya, 2013.

Shi yan shuang feng: "Shanghai shi", "Shanghai gong ren yun dong shi" shi zen yang xie cheng de? [Two Giants in Historical Research: How were written "The history of Shanghai" and "The history of the Workers' Movement in Shanghai"?] / Ed. Ma Jun. Shanghai: Shanghai shu dian, 2019.

SMITH S. A. A road is made: Communism in Shanghai, 1920–1927. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000.

SMITH S. A. Like cattle and horses: nationalism and labor in Shanghai, 1895–1927. Durham N. C.: Duke University Press Books, 2002.

SUN YIZHI. Russian Emigré and Soviet Inteligence in Shanghai. 1945–1949 // Modern History of Russia. Vol. 9, N1. P. 156–172.

The Minutes of Shanghai Municipal Council. Vol. XXIII. Shanghai: Shanghai Classic Publishing House, 2002.

WASSERSTORM J. N. Student protests in 20th century China: the view from Shanghai. Stanford: Stanford University Press, 1991.

TIHVINSKIJ S. L. Istoriya Kitaya. 1919–1949: bor'ba za ob'edinenie i nezavisimost' Kitaya [The History of China 1919–1949. The Struggle for Unity and Independence]. Moscow: Nauka, 2006.

USOV V. N. Sovetskaya razvedka v Kitae v 20-e gody XX veka [Soviet Intelligence in China in the 20s of the twentieth century]. 2nd Ed. Moscow: Dom Confutsia, 2011.

VKP(b), komintern i nacional'no-revolyucionnoe dvizhenie v Kitae [VKP(b), Comintern and the National Revolutionary Movement in China]. Vol. 1. Moscow: Buklet, 1994.

WANG ZHICHENG. Istoriya russkoj emigracii v Shanhae [The History of Russian Emegré in Shanghai]. Moscow: Russkii put', 2008.

WANG ZHICHENG. Shanghai e qiao shi [The History of Russian Emigré in Shanghai]. Shanghai: Shanghai san lian shu dian, 1993.

Wei jing si ji zai zhong guo de you guan zi liao [Materials of Voitionsky in China]. Beijing: Zhong guo she hui ke xue yuan chu ban she, 1982.

Wu sa yun dong [The May 30 Movement] / Shanghai Municipal Archive. Vol. 1–3. Shanghai: Shanghai ren ming chu ban she, 1991.

Wu sa yun dong shi liao [Resources of the May 30 Movement] / Institute of History in Shanghai Academy of Social Sciences. Vol. 1. Shanghai, 1981; Vol. 2. Shanghai, 1986; Vol. 3. Shanghai: Shanghai ren ming chu ban she, 2005.

Xin shu [New Books] // Shanghai History Research Newsletter. 2019. N 12. P. 35–43.

YAO JINGGUO, SU HANG, YANG YUNRUO. Gong chan guo ji, lian gong buy u zhong guo da ge ming [Komintern, VKP(b) and the Great Chinese Revolution]. Fuzhou: Fujian ren ming chu ban she, 2002.

YUR'EV M. F. Revolyuciya 1925–1927 gg. v Kitae [Revolution 1925–1927 in China]. Moscow: Nauka, 1968.

ZHIGANOV V. D. Russkie v Shanhae [Russians in Shanghai]. Shanghai: Slovo, 1936.

Zhong e guan xi shi liao yi ban jiao she Zhong hua ming guo jiu nian [Resources of the History of the Sino-Russian Relations, 1920]. Taipei: Jing hua yin shu guan gu feng you xian gong si, 1968.

Zhong hua ming guo shi [The History of the ROC] / Ed. Li Xin. Vol. 5. Beijing: Zhong hua shu ju, 2012.

ZHOU YUMING. Foreword // Hauser E. O. Shanghai: City for Sale. Shanghai: Shanghai shu dian, 2019. P. 1–24.

ZHU DAO. Jing shi nian ying wen xue jie de Shanghai shi yan jiu gai shu [Feature Article about the English Historiography of Shanghai Studies in the Last Ten Years] // Shanghai History Research Newsletter. 2019. N 12. P. 26–34.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сунь Ичжи. Советский Союз, русское зарубежье и шанхайские власти в пропагандистской борьбе середины 1920-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 102–122

Аннотация: Статья посвящена пропагандистской борьбе Русского зарубежья, СССР и шанхайских властей (Муниципалитеты Международного сеттльмента и Французской концессии) во время Движения 30 мая. Оно активизировало пропагандистские машины белых эмигрантов, советской власти и Муниципалитетов Сеттльмента и Концессии. Однако все они не достигли ожидаемых результатов. Радикальная белая пропаганда во главе с Н. В. Колесниковым не только вела борьбу с красным печатным органом, но и с другими белыми газетами, что способствовало дальнейшим конфликтам и расколу внутри эмигрантской среды. Московская «Правда» в связи с ее географической отдаленностью и державно-шовинистическим настроем не оказала существенного влияния на Шанхай, хотя некоторые цитаты из ее текстов были использованы при составлении пропагандистских листовок. Газета «Новая Шанхайская Жизнь» как местный красный рупор добилась некоторого эффекта в разжигании конфликтов внутри белоэмигрантского общества. Есть сомнение, было ли это результатом пропагандистской политики «Новой Шанхайской Жизни» или результатом чрезмерно агрессивной политики самого Н. В. Колесникова. Относительно удачная версия пропаганды Французской концессии оказалась неактуальной после умиротворения отношений между китайцами и французами. С другой стороны, Муниципалитет Международного сеттльмента, создав новую систему «свой–чужой», рассчитывал на объединение сил китайцев и иностранцев против большевиков. Однако низы китайского общества считали пропаганду Муниципалитета обманом и не воспринимали ее всерьез.

Ключевые слова: Движение 30 мая, Русская эмиграция в Китае, Китай, Шанхай, Н. В. Колесников, пропаганда, эмигрантская пресса.

FOR CITATION

Sun Yizhi. Soviet Union, Russian Emigré, and Shanghai Governments in the mid1920s Propaganda Campaigns // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 102–122

Abstract: This paper is devoted to rivalry of propaganda campaigns conducted by the Russian émigré community, the USSR and the Shanghai authorities during the May Thirtieth Movement. That historical incident opened propaganda floodgates of the White emigrants, the Soviet government and the Municipal

Councils of the International Settlement and French Concession. However, none of them achieved the results expected. The radical white émigrés headed by N.V. Kolesnikov campaigned against both the Red propaganda and other White emigrant newspapers, which contributed to further conflicts and a split within the emigrant community. The Moscow *Pravda*, being remote and full of the great-power chauvinism, did not have any significant impact on the Shanghai events, although some quotes from the newspaper were used in leaflets distributed in the streets. *The New Shanghai Life* newspaper, the local Red voice, succeeded in igniting conflicts within the White emigrant community. However, researchers have been disputing whether such collisions were caused by the propaganda policy of *The New Shanghai Life* or the overly-aggressive approach of N.V. Kolesnikov. A relatively successful propaganda of the French Concession turned out to be irrelevant after reconciliation between the Chinese and the French. At the same time, the Municipal Council of the International Settlement created a new "friend or foe" system, expecting that the Chinese and the foreigners would close the ranks against the Bolsheviks. However, lower Chinese classes considered propaganda of the Municipality a hoax and did not take it seriously.

Key words: The May 30 Movement, Russian Emigré in China, China, Shanghai, N.V. Kolesnikov, advocacy, emigré press.

Автор: **Сунь Ичжи** — независимый исследователь, Шанхай, Китай.
Author: **Sun Yizhi** — Independent Researcher, Shanghai, China.
E-mail: yizhisun961203@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2656-2859